
«ШАГ К СЕРДЦУ РОССИИ»: Р.М. РИЛЬКЕ И Л. АНДРЕАС-САЛОМЕ В НИЗОВКЕ*

Е.Г. Милюгина

Тверской государственный университет
ул. Желябова, 33, Тверь, Россия, 170100

В центре внимания статьи — визит Р.М. Рильке и Л. Андреас-Саломе в тверскую деревню Низовка к крестьянскому поэту С.Д. Дрожжину (1900). Комплексный анализ документов личного происхождения (письма Р.М. Рильке, дневник Л. Андреас-Саломе, воспоминания С.Д. Дрожжина) позволяет утверждать, что хотя поводом к поездке и было знакомство с Дрожжиным, но реальным ее содержанием стало освоение путешественниками культуры верхневолжской провинции, представленной в разных социальных и психологических типах. Низовка осмыслялась путешественниками как предельное выражение русскости, «сердце России», что стало основанием для ее мифологизации, наделения статусом русского парадиза.

Ключевые слова: С.Д. Дрожжин, Р.М. Рильке, Л. Андреас-Саломе, русская провинция, русская идея, поэтический парадиз.

Редко кто из пишущих о С.Д. Дрожжине обходит вниманием его легендарную встречу с австрийским поэтом Р.М. Рильке в Низовке в 1900 г. [1—3]. Исследователей творчества Рильке также интересует его знакомство с русским поэтом — и в аспекте переводов из Дрожжина, сделанных в конце 1890-х гг., еще до поездки в Низовку, и особенно в аспекте намерения Рильке навсегда переселиться в Россию [4—7]. И, наконец, буквально всех занимает сам факт неожиданного духовного сближения поэтов, столь несхожих по миропониманию, как «поэт от сохи» Дрожжин и эстет-неоромантик Рильке. В связи с этим идея Рильке переселиться в Россию трактуется как желание поселиться именно в Низовке, которая в этом контексте наделяется статусом мифического центра мира, искомого и вдруг обретенного рая, поэтического парадиза. Эта версия, вполне отвечающая мифотворческому художественному мышлению Рильке [8. С. 10], поддерживается и мнением спутницы поэта Л. Андреас-Саломе, ответившей Дрожжину на его вопрос о Низовке: «Так у вас здесь хорошо, что, если бы возможно было, я навсегда осталась бы жить в вашей деревне», «все так располагает к себе, что хочется здесь жить всегда...» [7. С. 278, 559].

Нет смысла пересказывать все интерпретации встречи в Низовке, приведем лишь две полярные версии, сопоставив которые можно представить зону толкований этого культурно-исторического сюжета. Вот одна из них: «Можно только удивляться наивности немецкого поэта, с восторгом внимающего глубокомысленным откровениям стихотворца-крестьянина Спиридона Дрожжина, который настойчиво внушал своему сублильному и чересчур цивилизованному собеседнику

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Тверской области научного проекта «Верхневолжские водные пути в русской культуре», проект № 14-14-69002.

азы своей простой сельскохозяйственной поэзии, устроенной по законам сельских ритмов и допустимой только в свободное от основной работы время» [9. С. 425]. Эта версия сродни вульгарно-идеологическим оценкам советских времен: ернической критики обоим поэтам здесь досталось поровну — и все ради развлечения читателя. Ведь Рильке в момент встречи 25 лет, он во второй раз в России и впервые в Низовке — чем же плохи его восторги? Дрожжин вдвое его старше и опытнее и с искренней готовностью отвечает на вопросы заграничных гостей — так чем же плохи его жизненная мудрость и гостеприимство?

А вот другая версия факта: «Рильке часами беседовал с Дрожжиным о Боге, они бродили по болотам, по берегам Волги... В своем дневнике Рильке записал: „На Волге, на этом спокойно катящемся море быть дни и ночи, много дней и ночей. Широкий-широкий поток, высокий-высокий лес на одном берегу и низкая луговая равнина на другом, и большие города там не выше хижин или шалашей. <...> Я словно воочию видел сотворение мира; смысл всего — в немногих словах, мера вещей — в руках Создателя“» [10. С. 196]. Эту версию можно назвать мифотворческой, ведь в 1900 г. Волга в Низовке на море никак не тянула, а Московского моря еще и в помине не было. Значит, и приведенные слова Рильке едва ли связаны с Дрожжиным, а это ставит под сомнение сам факт нескончаемых теологических бесед на берегу Волги; да и на каком языке они могли бы беседовать по многу часов?

Чтобы установить истину, обратимся к свидетельствам участников встречи — письмам Р.М. Рильке, дневнику Л. Андреас-Саломе и эссе С.Д. Дрожжина «Современный германский поэт Райнер Рильке (из записок и воспоминаний)».

Исследователи уже касались этих материалов, изучая образ России в сознании Рильке [4], творческие взаимодействия Рильке и Дрожжина [1], связи между низовскими наблюдениями и прозой Саломе [2] и т.д.

Однако один из важнейших аспектов этих документов до сих пор не исследован: речь в них идет о *путешествии*. В дневнике Лу Саломе и письмах Рильке мы читаем о поездке в Низовку, о Низовке, увиденной глазами стороннего наблюдателя — человека другой социальной страты, иной национальной культуры. В эссе Дрожжина то же самое событие спустя годы по памяти воссоздано автором. Правда, достоверность этих воспоминаний В. Шаламов ставит под сомнение: «<Дрожжин> вынужден написать автобиографию, где каждое <слово> увеличивается — застраховано — в зависимости от того, как росла слава — но не Дрожжина, а Рильке. Неделя, проведенная Рильке в Низовке с первого августа, почти ничего не отложила, зато дальше все растет. Написанные суконым языком воспоминания Дрожжина, ничего не помнящего, а заставляющего память выдавать» [11. С. 228]. В какой мере справедливы подобные суровые оценки — вопрос другой, но даже и в этом контексте три интересующих нас документа отражают момент столкновения разных культур, разных систем ценностей, разных судеб — столкновения как начала культурного диалога.

Рильке и Лу Андреас-Саломе посетили Низовку во время второго путешествия в Россию (9.05—22.08.1900). Началось путешествие в Москве, затем они по-

бывали в Киеве, Саратове, проехали на пароходе по Волге до Ярославля, три дня провели в деревне Кресты-Богородское и 18 июля приехали в Низовку, где жил Дрожжин. Посещение Дрожжина предусматривалось при составлении маршрута путешествия — еще весной 1900 г. С.Н. Шиль заочно рекомендовала ему своих немецких друзей.

В Низовке Рильке и Лу провели пять дней: познакомились с семьей Дрожжина, слушали его стихи, гуляли по окрестностям, любуясь волжским пейзажем. Цель путешествия сформулировал Рильке: «Сейчас мы находимся в деревне Низовка у любезного Спиридона Дим<итриевича> и, наслаждаясь его щедрым гостеприимством, чувствуем себя превосходно. <...> В ближайшие дни мы собираемся сделать большой шаг к сердцу России, в биение которого мы давно уже вслушиваемся, предчувствуя в его ритме те самые доли, которые необходимы и для нашей жизни» [7. С. 274]. Дрожжин, избранный проводником в путешествии «к сердцу России», вспоминает: «Я повел их в мой садик, и отсюда мы пошли пахотными и засеянными полями на Волгу, где долго они стояли и любовались открывшейся со всех сторон картиной моей родины. Возвращаясь, мы нарвали в заливном лугу по букету полевых цветов и, дойдя до Тихвинской часовни (1), присели отдохнуть у ее родника, текущего через желоб, и осмотрели часовню, а от нее пошли лесом; по дороге Райнер Осипович попросил меня показать ему, на чем растет клюква. Тогда привел я их к болоту и указал на куст с этим растением; осмотрев его, Рильке сорвал несколько веток и вложил их в свою памятную книжку» [7. С. 559]. Болото и клюква для иноземных путешественников — ключ к пониманию мира русской природы; ср. в дневнике Лу: «Мы пошли с Дрож<жиным> в лес, местами заболоченный, непроходимые болота, с гигантскими деревьями, где в начале зимы буйствовал страшный ураган. Среди множества ягод мы нашли орхидеи и клюкву — я впервые в жизни видела, как она растет. Ее листочки напоминают листья миртового дерева» [7. С. 278].

Наряду с открытиями из природного мира Лу Саломе в своем дневнике отмечает ряд новых для нее бытовых деталей в повседневной крестьянской жизни Низовки: «То соседствуешь с животными в хлеву, занимающем по крайней мере половину *избы*, то лежишь на сене, то идешь по равнине с ее широкими полями, лугами, заросшими высокой травой, дремучими лесами и берегом Волги, которая здесь сужается (т.е. выглядит не такой широкой, как в Ярославле, из которого Рильке и Лу только что приехали — Е.М.) и течет неслышно» [7. С. 277]. Отметим, что позиция путешествующих Рильке и Лу — позиция не созерцателя, но активного исследователя нового. В поисках русскости Рильке и Лу изучали русское искусство и пришли к выводу, что русский народ — это народ-художник: «Если говорить о народах как о людях, которые находятся в процессе развития, то можно сказать: этот народ хочет стать солдатом, другой — торговцем, третий — ученым; русский народ хочет стать художником» [Цит. по: 10. С. 196]. И Рильке и Лу ищут это единство труда и поэзии в личности Дрожжина. «Крестьянский быт жителя русской деревни можно изучать в *избе* этого поэта, который сам — крестьянин», — пишет Лу [7. С. 277].

На какой-то момент Дрожжин становится для путешественников воплощением искомого образа народа-художника. Однако вскоре они находят в жене Дрожжина Марии Афанасьевне еще более убедительную гармонию труда и поэзии: «жизнь мужика, воспетая в его <Дрожжина> песнях, звучит совсем иначе в ее устах, когда она просто рассказывает о том, что пришлось пережить. Он до сих пор радуется цветам или сенокосу, потому что возбуждается аппетит, — она же работает от зари до зари, ничего не может есть от усталости, во время работы утоляет жажду болотной водой и страдает от позывов рвоты, потому что ее дыхательные пути забиты пылинками сухого сена» [7. С. 277].

Поэзия труда для Рильке и Лу на время оказывается убедительнее поэзии слова, но тут же они находят слово, слитое с трудом и потому еще более поэтичное: «Мы навестили его мать <Аграфену Васильевну Дрожжину>, семидесятилетнюю крестьянку, которой на вид — лет пятьдесят пять; рот полон зубов, волосы светлые, не поседевшие, щеки в морщинках; когда смотришь на нее со спины, кажется, что это молодая женщина, идущая упругой походкой. Она все произносит с какой-то патетической нежностью и почти на библейский лад» [7. С. 277].

Судя по записям Лу, образ Дрожжина для нее и Рильке постепенно меркнет — поначалу не по слабости самого образа, но по силе новых впечатлений, каждое из которых переживается путешественниками сильнее предыдущих. Однако вскоре при знакомстве с помещиком Николаем Алексеевичем Толстым, владельцем соседней усадьбы Новинки, Лу отчетливо формулирует некую иерархию ценностей: «знакомство с этим восхитительным типом русской помещичьей жизни означало, что наше путешествие неожиданно поднялось на новую ступень. Сам *Дрожжин* как-то поблек в связи с этим. Что удивительно: в самом начале, как только мы приехали, он показался нам идеалом крестьянина и могучей личностью, соединяющей в себе поэзию и правду повседневной жизни; затем, с появлением его жены, все немного изменилось, окрасившись впечатлением трогательности и несамостоятельности; но это повредило лишь восприятию его стихов: они показались нам теперь не полноценным выражением русской деревенской жизни, а лишь поэтическим ее толкованием. Этот легкий оттенок поэтического отступления от истины, звучавший поначалу приятно и тонко, сделался почти резким и неприятным, почти смешным при соприкосновении поэта-крестьянина с глубоко образованными, своеобразными Толстыми, таящими в себе огромную цельность. *Дрож<жин>* неуверен в себе, приходит в восторг, когда над ним подшучивают, а порой прямо-таки тщеславен и ограничен, так что невозможно глядеть на этого человека, которого все же искренне считаешь, без почти болезненного чувства. То, что здесь выше его, это не просто богатство и образование, а прежде всего подлинное превосходство людей, развившихся в полную силу» [7. С. 280].

Упрек, который Лу делает Дрожжину, следующий: «*Дрож<жин>*, хоть он и вернулся в деревню и способен искренне и глубоко ей радоваться, все же внутренне расстался с деревней в той мере, в какой вознамерился сделать из себя поэта и даже мыслителя (стать исключением)» [7. С. 280]. Возможно, Лу субъективна. Но сравним ее мнение с любопытным самопризнанием Дрожжина: «На другой

день, едва только взошло солнышко, когда пастух в поле прогнал стадо и я еще спал, они уже встали и, напившись приготовленного женой парного молока, отправились босиком на прибрежное луговое поле и там все утро бродили по росистой траве, находя это, как они мне объясняли потом, очень полезным для здоровья... На третий день я решился встать раньше их, чтобы вместе с ними идти на прогулку; только, не веруя в целебность для себя босого хождения по росе, надел высокие сапоги...» [7. С. 559]

Мы, конечно, понимаем, что иноземные гости в своих прогулках по утренней росе были воодушевлены не только и не столько, быть может, идеей здоровья, сколько идеей литературно-эстетической; ср. стихотворение Е. Бекетовой «Сирень» (1878): «По утру, на заре, По росистой траве Я пойду свежим утром дышать...» (одноименный романс С.В. Рахманинова). Конечно, нужно принять во внимание возраст и состояние здоровья Дрожжина; возможно, им руководил и трезвый крестьянский опыт. Однако все эти детали его поведения не совпадали с представлениями Рильке и Лу о настоящей русской крестьянской жизни и о поэте-крестьянине как ее предельном выражении и потому разрушали в глазах гостей образ Дрожжина как народного поэта или, по крайней мере, снижали его, низводили его с воображаемого ранее пьедестала.

В результате переоценки ценностей произошло смещение акцентов. Хотя изначальным мотивом посещения Низовки для Лу и Рильке и было знакомство со знаменитым русским поэтом, но реальным содержанием этого путешествия стало освоение русской культуры верхневолжской провинции, представленной в разных социальных и психологических типах, среди которых Дрожжин оказался ярким, но не единственным сильным впечатлением. Самое же сильное впечатление на путешественников произвел сам мир Низовки с ее, по определению Лу Саломе, «будничной редкостью». Низовка переживалась путешественниками как поэтическое творение русского народа-художника, осмыслялась как предельное выражение русскости, и результатом такого осмысления стала ее мифологизация, наделение статусом русского парадиза [12].

Отдадим должное и Дрожжину: без него Низовка не стала бы предметом внимания и целью паломничества Рильке и Лу Саломе. И в этом случае мы не имели бы сегодня исторического свидетельства о пейзажных красотах Низовки и тяготах ее крестьянской жизни на рубеже XIX—XX вв. Сам же Дрожжин вне Низовки (до посещения Низовки) представлялся Рильке иным, нежели в контексте мира, взрастившего и сформировавшего его как крестьянского поэта и питавшего его народные песни. Пресловутые наивные восторги, в которых иные критики уличают Рильке, — это искреннее удивление путешественника, открывающего новые земли, новых людей, неведомый для себя мир, который в силу свежести впечатлений представляется ему земным раем, поэтическим парадизом.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Тихвинская часовня (не сохранилась) описана С.Д. Дрожжиным в стихотворении «Завещание».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бойников А.М.* Р.М. Рильке и С.Д. Дрожжин: к проблеме творческого взаимодействия // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. — 2014. — № 3. — С. 27—31.
- [2] *Романова Ю.А.* Спиридон Дрожжин в «Дневнике путешествия с Райнером Марией Рильке в 1900 году» Лу Андреас-Саломе // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. — 2009. — Вып. 2. — С. 22—27.
- [3] Спиридон Дрожжин глазами современников и потомков: статьи и воспоминания / ред.-сост. М.В. Строганов. — Тверь: Золотая буква, 2001.
- [4] *Азадовский К.М.* Страна-сказка: Райнер Мария Рильке в поисках «русской души» // К истории идей на Западе: «Русская идея». — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Петрополис, 2010. — С. 281—316.
- [5] *Гуляева Т.П.* Творчество Р.М. Рильке в диалоге с культурами России и Франции: Автореф. дисс. ... канд. культурологии. — Саранск, 2006.
- [6] *Пахомова И.В.* Творчество Р.М. Рильке в аспекте связей с русской литературой «серебряного века»: концепция любви: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2007.
- [7] Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / изд. подгот. К.М. Азадовский. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003.
- [8] *Белова Д.Н.* Русская рецепция орфического дискурса Р.М. Рильке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Томск, 2009.
- [9] *Кривулин В.* [Рец.:] Rilke R.M. Die Russischen Reisen. Köln, 1999 // Новое литературное обозрение. — 1999. — № 38. — С. 423—426.
- [10] *Иванов Г.В., Калюжная Л.С.* 100 великих писателей. — М.: Вече, 2005.
- [11] *Шаламов В.Т.* Собрание сочинений: в 6 т. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2005. — Т. 5.
- [12] *Миллогина Е.Г.* Эстетика парадиза в усадебном творчестве Н.А. Львова // Михаил Муравьев и его время: Сб. статей и материалов. — Казань: РЦ МКО, 2013. — С. 77—82.

LITERATURA

- [1] *Bojnikov A.M.* R.M. Ril'ke i S.D. Drozhzhin: k probleme tvorcheskogo vzaimodejstvija // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologija. — 2014. — № 3. — S. 27—31.
- [2] *Romanova Ju.A.* Spiridon Drozhzhin v «Dnevnikе puteshestvija s Rajnerom Mariej Ril'ke v 1900 godu» Lu Andreas-Salome // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologija. — 2009. — Вып. 2. — S. 22—27.
- [3] Spiridon Drozhzhin glazami sovremennikov i potomkov: statji i vospominanija / red.-sost. M.V. Stroganov. — Tver': Zolotaja bukva, 2001.
- [4] *Azadovskij K.M.* Strana-skazka: Rajner Marija Ril'ke v poiskah «russkoj dushi» // K istorii idej na Zapade: «Russkaja ideja». — SPb.: Izd-vo Pushkinskogo Doma: Petropolis, 2010. — S. 281—316.
- [5] *Guljaeva T.P.* Tvorchestvo R.M. Ril'ke v dialoge s kul'turami Rossii i Francii: Avtoref. diss. ... kand. kul'turologii. — Saransk, 2006.
- [6] *Pahomova I.V.* Tvorchestvo R.M. Ril'ke v aspekte svjazej s russkoj literaturoj «serebrjanogo veka»: koncepcija ljubvi: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. — M., 2007.
- [7] Ril'ke i Rossija: Pis'ma. Dnevniki. Vospominanija. Stihi / izd. podgot. K.M. Azadovskij. — SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2003.
- [8] *Belova D.N.* Russkaja recepcija orficheskogo diskursa R.M. Ril'ke: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. — Tomsk, 2009.
- [9] *Krivulin V.* [Rec.:] Rilke R.M. Die Russischen Reisen. Köln, 1999 // Novoe literaturnoe obozrenie. — 1999. — № 38. — S. 423—426.
- [10] *Ivanov G.V., Kaljuzhnaja L.S.* 100 velikih pisatelej. — M.: Veche, 2005.

- [11] *Shalamov V.T. Sbranie sochinenij: v 6 t. — M.: TERRA—Knizhnyj klub, 2005. — T. 5.*
[12] *Miljugina E.G. Jestetika paradiza v usadebnom tvorchestve N.A. L'vova // Mihail Murav'ev i ego vremja: sb. statej i materialov. — Kazan': RC MKO, 2013. — S. 77—82.*

**«STEP TO THE HEART OF RUSSIA»:
R.M. RILKE AND L. ANDREAS-SALOME IN NIZOVKA**

E.G. Milyugina

Tver State University
Zhelyabova str., 33, Tver, Russia, 170100

The article considers the visit of R.M. Rilke and L. Andreas-Salome to the peasant poet S.D. Drozhzhin in the Tver village Nizovka (1900). Complex analysis of personal documents (Rilke's letters, Andreas-Salome's diary, Drozhzhin's memories) allows to state that although familiarity with Drozhzhin was a reason for the trip, but really travelers studied the culture of the Upper Volga's province represented in different social and psychological types. Nizovka has been understood by travelers as the ultimate expression of Russianness, "the heart of Russia", which became the basis for its mythologizing, granting the status of Russian paradise.

Key words: S.D. Drozhzhin, R.M. Rilke, L. Andreas-Salome, Russian province, Russian idea, poetic paradise.